

*Посвящается Дарли, волшебнику и
джентльмену*

1

Давайте начистоту — это дело было по плечу только мне. Вы удивитесь, сколько из наших парней, будь у них выбор, шарахнулись бы от него на милую, а у меня выбор был — по крайней мере, сначала. Пара ребят мне так прямо и сказали: «Хорошо, что оно досталось тебе, а не мне». Однако я лишь сочувствовал им, а о себе и не думал беспокоиться.

Кое-кто не в восторге от крупных громких дел — мол, слишком много шумихи в прессе, слишком велики последствия провала. Весь этот негатив не по мне. Если думать о том, как больно будет падать, — считай, ты уже летишь в пропасть. Я фокусируюсь на позитиве, а его тут полно: даже те, кто притворяется, будто они выше этого, знают: за большие достижения повышают по службе. Так что дайте мне расследование, что красуется на первых полосах, а дела о зарезанных барыгах оставьте себе. Если не можешь держать удар, служи в участке.

Некоторым из наших невмоготу работать с детьми, и их вполне можно понять. Однако позвольте полюбопытствовать: если вас тошнит от зверских убийств, то какого черта вы взялись их расследовать? Неженки с распростертыми объятиями примут в отделе по защите интеллектуальной собственности. У меня были убитые младенцы, утопленники, изнасилования с убийствами, человек, которому отстрелили голову из дробовика так, что ошметки мозга разлетелись по всем стенам, — и при условии, что виновный попадает за решетку, мой безмятежный сон ничто не тревожит. Кто-то должен брать такие дела на себя, и если за них берусь я, то справляюсь так, что комар носа не подточит.

Раз уж зашел разговор, давайте проясним еще кое-что: я чертовски хорош в своей работе. Я и сейчас так считаю. В отделе убийств я уже десять лет, и семь из них — с тех пор, как я освоился, — у меня была самая высокая раскрываемость. В этом году я на втором месте, потому что нынешнему лидеру перепала чередка верняков с бытовухой, когда подозреваемый буквально сам защелкивает браслеты на своих запястьях и подает себя на тарелочке с яблочным соусом. Мне же доставались самые геморройные, глухие случаи — мертвые торчки и

ни единого свидетеля, — и я все равно давал результат. Если бы наш главный инспектор хоть раз — хоть раз! — во мне усомнился, то мигом снял бы меня с дела.

Вот что я пытаюсь сказать: все должно было пройти как по маслу. Дело попало бы в учебники — блестящий пример того, как надо работать. По всем писанным правилам оно должно было стать для меня колоссальным успехом.

* * *

Я сразу понял, что дело крупное. Мы все это поняли. Обычные убийства достаются первым в очереди, а если первый отлучился, то тому, кто окажется на месте, — и только большие, важные дела, требующие особого подхода, распределяет лично главный инспектор. Так что когда О'Келли просунул голову в дверь отдела, показал на меня пальцем, рявкнул: «Кеннеди, в мой кабинет!» — и исчез, мы сразу все поняли.

Я схватил со спинки стула свой пиджак и надел его. Сердце мое билось учащенно. Давно, слишком давно мне не выпадали такие дела.

— Никуда не уходи, — сказал я Ричи, своему напарнику.

— О-о-о, — в притворном ужасе протянул Квигли из-за своего стола и помахал пухлой ладонью. — Неужто Снайпер опять вляпался в дерьмо? Вот уж не думал, что доживу...

— Наслаждайся, пока жив, старина.

Я проверил, ровно ли повязан мой галстук.

Квигли ехидничал, потому что был следующим в очереди, и не будь он такой бестолочью, О'Келли поручил бы дело ему.

— Что ты натворил?

— Трахнул твою сестру. Рвотными пакетами запасся заранее.

Парни заржали, а Квигли по-старушечьи поджал губы.

— Не смешно.

— Что, задело за живое?

Ричи сидел открыв рот и едва ли не подпрыгивал на стуле от любопытства. Я достал из кармана расческу и быстро провел ею по волосам.

— Как я, нормально?

— Жополиз, — буркнул Квигли.

Я его проигнорировал.

— Ага, — сказал Ричи. — Супер. Что...

— Никуда не уходи, — повторил я и пошел к О'Келли.

Второй знак: главный инспектор стоял за столом, сунув руки в карманы, и раскачивался на пятках. Адреналин в нем так кипел, что он не мог усидеть в кресле.

— А ты не торопишься.

— Прошу прощения, сэр.

Он не сдвинулся с места и, цыкнув зубом, принялся перечитывать лежащий на столе отчет о вызове.

— Как продвигается дело Маллена?

Последние несколько недель я потратил на сбор досье для главного гособвинителя по запутанному делу с одним наркоторговцем — чтобы не осталось ни щелочки, в которую мог бы проскользнуть этот ублюдок. Некоторые следователи считают свою работу оконченной в момент предъявления обвинений, но если с крючка соскакивает мой улов — что хоть и редко, но случается, — я принимаю это близко к сердцу.

— Уже готово. Ну, плюс-минус.

— Его сможет закончить кто-то другой?

— Без проблем.

О'Келли кивнул и продолжил читать. Он любит, когда ему задают вопросы, любит показывать, кто тут главный, — и, поскольку он действительно мой начальник, я не против чуток прогнуться для пользы дела.

— Что-то новое поступило, сэр?

— Брайанстаун знаешь?

— Никогда не слышал.

— Я тоже. Один из этих новых поселков на побережье, за Балбригганом^[1]. Раньше назывался Брокен-Бэй или как-то так.

— Брокен-Харбор, — сказал я. — Да, Брокен-Харбор я знаю.

— Теперь это Брайанстаун. И к вечеру о нем услышит вся страна.

— Серьезное, значит, дело.

О'Келли положил тяжелую ладонь на отчет о вызове, словно пытался его удержать.

— Муж, жена и двое детей зарезаны в собственном доме. Жена находится при смерти, ее сейчас везут в больницу. Остальные мертвы.

Мы помолчали, слушая, как по воздуху пробегает мелкая дрожь, вызванная последним словом.

— Кто сообщил? — спросил я.

— Сестра жены. Они созваниваются каждое утро, а сегодня утром она не смогла дозвониться. Это настолько ее обеспокоило, что она села в машину и отправилась в Брайанстаун. Машина на подъездной дорожке, в доме горит свет среди дня, никто не открывает. Она звонит полицейским, те вышибают дверь, и — сюрприз-сюрприз.

— Кто там сейчас?

— Только местные. Глянули разок, смекнули, что не потянут, и сразу связались с нами.

— Прекрасно, — сказал я.

В полиции полно идиотов, которые готовы часами играть в детективов и топтать место преступления, прежде чем признают поражение и вызовут реальных профессионалов. Похоже, на этот раз нам повезло — котелки у сельских копов варили.

— Я хочу, чтобы этим занялся ты. Возьмешься?

— Почту за честь.

— Если не можешь все бросить, скажи, и я отдам дело Флаэрти. Оно в приоритете.

Флаэрти — тот самый чемпион по раскрываемости, который закрывает верняки.

— Не надо, сэр. Я беру.

— Хорошо, — сказал О'Келли, но отчет не отдал, а наклонил к свету и принялся внимательно рассматривать, потирая большим пальцем подбородок. — А Курран? Он готов?

Юный Ричи Курран был в команде всего две недели. Многие не любят натаскивать новичков, так что это приходится делать мне. Если ты знаешь свое дело, твой долг — передать свои знания.

— Будет готов.

— Я могу на время куда-нибудь его засунуть, а тебе дать человека, который знает, что к чему.

— Если Курран не вывозит, то лучше выяснить это сейчас. — Я не хотел получить напарника, который знает, что к чему.

Один из плюсов выпаса новичков заключается в том, что ты избавляешь себя от кучи хлопот: у всех «стариков» есть свои устоявшиеся подходы, а, как говорится, два медведя в одной берлоге

не живут. Новичок, если правильно с ним обращаться, тормозит тебя куда меньше, чем старый служака. Сейчас мне было некогда играть в эти игры — «нет-вы-нет-только-после-вас».

— В любом случае главным будешь ты.

— Сэр, поверьте, Курран справится.

— Это риск.

Примерно год новички проходят испытательный срок. Неофициально, конечно, но вполне всерьез. И если Ричи с порога ошибется, да еще под прицелом прессы, то может собирать вещички.

— У него получится. Я прослежу.

— Я не только про Куррана. Когда ты последний раз вел большое дело?

Его пронизательные глазки вперились в меня. Мое прошлое громкое дело пошло наперекосяк. Я тут ни при чем — человек, которого я считал другом, кинул меня и утопил в дерьме. Но люди все помнят.

— Почти два года назад.

— Точно. Если разберешься с этим, то вернешься в строй.

Но что будет с моей карьерой в противном случае, осталось невысказанным и тяжелой тучей повисло между нами.

— Разберусь, сэр.

О'Келли кивнул:

— Не сомневаюсь. Держи меня в курсе.

Он перегнулся через стол и протянул мне отчет о вызове.

— Спасибо, сэр. Я вас не подведу.

— Купер и криминалисты уже в пути.

Купер — это наш судмедэксперт.

— Тебе понадобятся люди, я распорядюсь, чтобы общий отдел прислал летунов. Шестерых пока хватит?

— Вполне. Если понадобится еще, я сам затребую.

Когда я был уже на пороге, О'Келли добавил:

— И, бога ради, сделай что-нибудь с его одеждой.

— Я потолковал с ним на прошлой неделе.

— Так потолкуй еще раз. Черт побери, в чем он явился вчера — в *фуфайке*?

— По крайней мере, я заставил его избавиться от кроссовок. Какой-никакой, а шагок вперед.

— Если он хочет остаться на этом деле, пусть научится шагать поживее — до того, как прибудете на место. Журналисты слетятся туда как мухи на дерьмо. Хотя бы скажи ему, чтоб не снимал пальто и не светил своими трениками, или в чем уж там он соизволил прийти.

— У меня в столе есть запасной галстук. Все будет в порядке.

О'Келли проворчал что-то про свинью в смокинге.

На обратном пути я бегло просмотрел отчет — все в точности соответствовало сводке, изложенной шефом. Жертвы: Патрик Спейн, его жена Дженнифер и их дети Эмма и Джек. Сестра, вызвавшая полицию, — Фиона Рафферти. Под ее именем диспетчер предупреждающе добавил заглавными буквами: «ВНИМАНИЕ: ЗВОНИВШАЯ В ИСТЕРИКЕ».

* * *

Ричи не сиделось, он подпрыгивал, словно у него пружины в коленях.

— Что...

— Собирайся. Мы уезжаем.

— Я же говорил, — сказал Квигли моему напарнику.

Ричи невинно распахнул глаза:

— Правда? Извини, бро, я прослушал. Голова другим занята, понимаешь?

— Курран, я вообще-то пытаюсь оказать тебе услугу. Впрочем, дело твое. — Вид у Квигли был по-прежнему обиженный.

Я натянул пальто и проверил свой портфель.

— Похоже, у вас тут увлекательная беседа. Может, поделитесь?

— Ерунда, — тотчас отозвался Ричи. — Просто болтаем о том о сем...

— Я посоветовал юному Ричи задуматься о том, почему главный вызывает тебя одного и передает информацию за его спиной, — лицемерно сказал Квигли. — Это не лучшим образом свидетельствует о репутации юноши в отделе.

Квигли обожает пудрить мозги новичкам, а также давить на подозреваемых чуть сильнее, чем следует. Мы все не без греха, однако он получает от этого особенный кайф. Впрочем, обычно у него хватает мозгов не трогать моих ребят. Ричи чем-то его разозлил.

— В ближайшие дни юноше будет о чем подумать, ему незачем отвлекаться на всякий вздор. Ну как, детектив Курран, идем?

— *Что ж,* — прошипел Квигли, напыжившись. — Не позволяйте мне себя задерживать.

— Само собой, приятель. — Я вытащил из ящика галстук и сунул его в карман пальто — под столом, чтобы не давать Квигли повода для подколов. — Детектив Курран, готов? Тогда погнали.

— До встречи, — не слишком любезно проворчал Квигли нам вслед.

Ричи послал ему воздушный поцелуй, и, поскольку зрелище это не предназначалось для моих глаз, я ничего не заметил.

Было туманное, холодное и серое утро вторника, такое хмурое и мрачное, словно на дворе не октябрь, а март. Я вывел из гаража любимый серебристый «бумер». Официально машины разбирают в порядке живой очереди, однако салаги, занимающиеся бытовым насилием, не посмеют и приблизиться к лучшей тачке отдела убийств, так что машина всегда к моим услугам, и в салоне не валяются обертки от бургеров. Я не сомневался, что и с закрытыми глазами найду дорогу в Брокен-Харбор, но сейчас не время было проверять это на практике, поэтому я включил навигатор. Где находится Брокен-Харбор, прибор не знал. Он хотел ехать в Брайанстаун.

В свои первые две недели в отделе Ричи помогал мне собирать досье по делу Маллена и заново опрашивать свидетелей. Это было его первое настоящее дело об убийстве, и он буквально из штанов выпрыгивал от нетерпения. Парень сдерживался изо всех сил, но, как только машина двинулась с места, выпалил:

— Нам дали дело?!

— Да.

— Какое?

— Убийство. — Я остановился на красный, достал галстук и передал его Ричи.

К счастью, сегодня на нем была белая рубашка — правда, дешевая и настолько тонкая, что просвечивала безволосая грудь, — и серые брюки, почти приличные, только на размер больше, чем надо.

— Вот, надень.

Он устоялся на галстук так, словно никогда не видел подобной диковины.

— Да?

— Да.

Я уже было смирился с мыслью, что придется съехать на обочину и самому повязать Ричи галстук, — скорее всего, он в последний раз надевал его на первое причастие, — но в конце концов парень справился — ну, более-менее.

— Круто выгляжу, да? — спросил он, наклонив солнцезащитный козырек, чтобы посмотретья в зеркало.

— Лучше, чем было, — ответил я.

О'Келли оказался прав: галстук ничего не исправил. Галстук-то был что надо — шелковый, темно-бордовый, в тонкую полоску, — но кто-то умеет носить хорошие вещи, а другим это просто не дано. Росту в Ричи пять футов девять дюймов, причем в прыжке, он весь из углов, ноги тонкие, плечи узкие, выглядит лет на четырнадцать, хотя в личном деле сказано, что ему тридцать один. Считайте меня предвзятым, но я с одного взгляда понял, из какого он района Дублина. Это очевидно: слишком короткие неопределенного цвета волосы, острые черты лица, подпрыгивающая беспокойная походка, и одним глазом он словно высматривает опасность, а другим — все, что не прикручено. На парне этот галстук казался краденым.

Ричи нерешительно потер его пальцем:

— Симпатичный. Потом верну.

— Оставь себе. А при случае купи еще несколько.

Он мельком покосился на меня и, кажется, хотел что-то ответить, но сдержался.

— Спасибо.

Мы выехали на набережную и направлялись к шоссе М-1. С моря вдоль Лиффи дул сильный ветер, заставляя пешеходов пригибаться. Когда мы застряли в пробке — какой-то баран на внедорожнике не заметил или наплевал, что не успевает проскочить перекресток, — я достал телефон и отправил сообщение своей сестре Джералдине: «Джери, СРОЧНО выручай. Выдерни Дину с работы КАК МОЖНО СКОРЕЕ. Если начнет ныть, что потеряет день, скажи, что я компенсирую. Не волнуйся, насколько я знаю, с ней все нормально, но пусть пару дней побудет у тебя. Позвоню позже. Спасибо».

Шеф прав: через пару часов Брокен-Харбор наводнит пресса. Дина — младшая в семье, и мы с Джери по-прежнему ее опекаем. Когда

сестренка услышит про эту историю, она должна быть в безопасном месте.

Ричи тактично не замечал того, что я уткнулся в телефон, и изучал маршрут на экране навигатора.

— Едем за город, да? — спросил он.

— В Брайанстаун. Слышал о нем?

Он покачал головой:

— Судя по названию, один из новых поселков.

— Точно. На побережье. Раньше там была деревня Брокен-Харбор, но, похоже, с тех пор ее застроили.

Баран на внедорожнике наконец убрался с дороги, и пробка рассосалась. Один из плюсов экономического кризиса: половина автовладельцев сидит дома, и те из нас, кому действительно нужно ехать по делам, теперь могут добраться до места назначения.

— Скажи, что самое страшное ты видел на службе?

Ричи пожал плечами:

— Я сто лет работал на трассе, еще до транспортного отдела. Видел всякую жуть. Аварии.

Все они так считают. Когда-то я и сам так думал.

— Нет, сынок. Ничего ты не видел. Ты просто невинный ягненок. Да, вовсе не весело, когда некий урод не сбавляет скорость на повороте и сбивает ребенка, однако это цветочки. Смотреть на детский труп с разбитым черепом, зная, что какой-то мудака долбил этого ребенка головой о стену, пока он не перестал дышать, — совсем другое. Пока что ты имел дело только с несчастными случаями, а теперь сможешь взглянуть на то, что люди творят друг с другом умышленно. Разные вещи, поверь.

— А что там, куда мы едем? Ребенок?

— Семья — отец, мать и двое детей. Женщина, возможно, еще выкарабкается. Остальные уже покойники.

Его руки вяло лежали на коленях. Я впервые видел Ричи совершенно неподвижным.

— Господи Иисусе. Сколько лет детям?

— Пока неизвестно.

— Что с ними случилось?

— Похоже, зарезали. У них дома — скорее всего, вчера вечером.

— Жесть! Нет, ну просто охренеть... — Лицо Ричи исказила гримаса.

— Точно. И к тому времени, когда мы приедем на место, ты уже должен это переварить. Правило номер один, можешь записать: никаких эмоций на месте преступления. Считай до десяти, читай молитвы, тупо шути — все что угодно. Если нужен совет, как справиться с чувствами, спрашивай сейчас.

— Я в порядке.

— Надеюсь. Там сестра жены, и твои переживания ее не интересуют. Ей надо знать, что у тебя все под контролем.

— У меня все под контролем.

— Хорошо. На, почитай.

Я протянул ему отчет о вызове и дал тридцать секунд на то, чтобы просмотреть текст. Сосредоточившись, Ричи сразу стал выглядеть старше и умнее.

— Когда доберемся, что выяснишь у патрульных в первую очередь? — спросил я, выждав.

— Про оружие. Найдено ли оно на месте преступления?

— А почему не о наличии следов взлома?

— Взлом кто угодно мог симитировать.

— Давай без обиняков, — сказал я. — Под кем угодно ты подразумеваешь Патрика или Дженнифер Спейн?

Он чуть поморщился — и я заметил это только потому, что внимательно наблюдал за ним.

— Всех, у кого был доступ, — родственников, друзей. Всех, кого они бы впустили.

— Но ты ведь думал не про них, а про Спейнов.

— Да, наверное.

— Так бывает, сынок, и незачем это отрицать. То, что Дженнифер Спейн выжила, делает ее главной подозреваемой. С другой стороны, в подобных случаях это, как правило, отец: женщины убивают только детей и себя, а вот мужчины — всю семью. В любом случае обычно никто не пытается имитировать взлом. О подобных ухищрениях они уже не думают.

— И все-таки это мы можем выяснить сами, когда приедут криминалисты. Полагаться на слова патрульных не будем. А вот насчет оружия я хотел бы узнать сразу.

— Молодец. Да, это главный вопрос. А о чем ты в первую очередь спросишь сестру?

— О том, кто мог желать зла Дженнифер Спейн. Или Патрику Спейну.

— Разумеется, но об этом мы будем спрашивать всех, кого найдем. А о чем ты хочешь спросить именно Фиону Рафферти?

Он покачал головой.

— Ни о чем? Лично мне очень интересно услышать, что она там делала.

— Тут сказано... — Ричи поднял отчет, — они созванивались каждый день. Она не смогла дозвониться.

— И что? Ричи, подумай. Допустим, обычно они созваниваются часов в девять, когда муженьки уже на работе, а дети в школе...

— Или когда женщины сами на работе. Может, они тоже работают.

— Дженнифер Спейн не работала, иначе сестра сказала бы: «Ее нет на работе», а не «Я не смогла дозвониться». Итак, Фиона звонит Дженнифер около девяти, самое раннее в полдевятого — до этого обе заняты утренними заботами. А в десять тридцать шесть, — я постучал по листку, — она уже в Брайанстауне и звонит в полицию. Не знаю, где живет и работает Фиона Рафферти, но Брайанстаун находится в добром часе езды от цивилизации. Иными словами, из-за того, что Дженнифер часок не берет трубку, — *максимум* часок, а может, и того меньше — Фиона впадает в такую панику, что бросает все и мчится к черту на рога. Не слишком ли бурная реакция? Не знаю, как ты, а я бы с удовольствием разобрался, почему она так разволновалась.

— Может, ей не час ехать. Может, она просто живет по соседству и решила проведать сестру.

— Тогда зачем ехать на машине? Если пешком не дойти, значит, она живет слишком далеко — и, следовательно, ведет себя странно. А вот и правило номер два: странное поведение — это подарок, и нельзя выпускать его из рук, пока не развернешь. Здесь тебе не транспортный отдел, Ричи. У нас не говорят: «Да ерунда какая-то, наверняка в тот день ей просто захотелось почудить. Забей». Никогда так не рассуждай.

Повисла напряженная пауза, означавшая, что разговор еще не окончен.

— Я хороший детектив, — сказал Ричи наконец.

— Уверен, когда-нибудь ты станешь отличным детективом, но пока что тебе еще учиться и учиться.

— Для этого необязательно носить галстук.

— Приятель, тебе не пятнадцать лет, — сказал я. — Прикид гопника еще не делает тебя страшной угрозой буржуям. Ты просто выглядишь как идиот.

Ричи потерял тонкую ткань своей рубашки и сказал, тщательно подбирая слова:

— Я знаю, что большинство парней из отдела не из моего района. У них родители фермеры или учителя. Я понимаю, что я для вас белая ворона.

Зеленые глаза Ричи твердо смотрели на меня в зеркало заднего вида.

— Неважно, откуда ты родом. Происхождение не выбирают, так что даже не думай об этом. Важно то, куда ты двигаешься. И вот это, друг мой, уже зависит от тебя.

— Знаю. Я же здесь, так?

— И моя задача — помочь тебе пойти дальше. Один из способов выбрать направление — вести себя так, словно ты уже прибыл. Улавливаешь?

Ричи выглядел растерянным.

— Ну смотри: почему мы едем на «БМВ»?

Он пожал плечами:

— Потому что вам нравится эта тачка.

Я снял ладонь с руля и ткнул в Ричи пальцем:

— То есть ты решил, что машина нравится моему эго. Не обманывай себя, все не так просто. Ричи, мы не магазинных воришек ловим, убийцы — крупная рыба. Прикатить на место преступления в побитой десятилетней «тойоте» — значит проявить неуважение, показать, что жертвы не заслуживают лучшего. Людей это напрягает. Ты же не хочешь начинать на такой ноте?

— Нет.

— Вот именно, что нет. Вдобавок в старой побитой «тойоте» мы будем выглядеть неудачниками. Это важно, дружище, — и не только для моего эго. Если преступники увидят неудачников, то подумают, что они круче нас, и их труднее будет сломать. Если неудачников увидят хорошие люди, то решат, что таким ни за что не раскрыть

преступление, а значит, и помогать не стоит. И если мы сами по утрам будем видеть в зеркале пару неудачников, что станет с нашими шансами на победу?

— Наверное, их станет меньше.

— В точку! Если хочешь добиться успеха, Ричи, ты не должен выглядеть как неудачник. Понимаешь?

Он коснулся узла на своем новом галстуке.

— Проще говоря, нужно лучше одеваться.

— Нет, сынок, тут нет ничего простого. Правила придуманы не зря — и об этом нужно помнить, прежде чем их нарушать.

Я выехал на пустое шоссе и позволил «БМВ» проявить себя во всей красе. Я знал, что еду точно с разрешенной скоростью, ни на милю быстрее; Ричи поглядывал на спидометр, но помалкивал — вероятно, думал о том, какой я зануда. Так многие считают, однако все они подростки — если не по возрасту, то по уровню развития. Только подросток может считать, что скука — это плохо. Взрослые, те, кто кое-что повидал на своем веку, знают, что скука — дар небесный. У жизни в рукаве достаточно потрясений, которые обрушиваются на тебя в самый неожиданный момент, так что нагнетать драму вовсе необязательно. Скоро Ричи поймет это на собственном опыте.

* * *

Я фанат масштабной застройки. Если хотите, можете винить в рецессии застройщиков, их прикормленных банкиров и политиков, но факт остается фактом: если бы они не мыслили на перспективу, мы бы до сих пор выкарабкивались из предыдущего кризиса. Как по мне, многоэтажка, под завязку набитая жильцами, которые каждое утро идут на работу, поддерживают страну на плаву, а вечером возвращаются домой в уютные гнездышки, куда лучше, чем поле, приносящее пользу разве что паре коров. Людские поселения все равно что акулы: перестав двигаться, они погибают. Однако у каждого из нас есть место, которое, как нам нравится думать, никогда не изменится.

Когда-то я, тощий паренек с самопальной стрижкой и в заштопанных джинсах, знал Брокен-Харбор как свои пять пальцев. Нынешние детки, выросшие во времена экономического бума, привыкли проводить каникулы под солнышком, уж две недели на

Коста-дель-Соль — это самый минимум. Но мне сорок два, и наше поколение довольствовалось малым: несколько дней в арендованном трейлере на берегу Ирландского моря — и ты круче всех.

В то время Брокен-Харбор был захолустьем: дюжина раскиданных домов, в которых с незапамятных времен обитали семейства с фамилиями типа Уиланы или Линчи, лавка «У Линча», паб «Уилан» да парковка для трейлеров. Короткая пробежка босиком по осыпающимся песчаным дюнам между зарослей тростника — и ты на пляже. Каждый июнь мы проводили там две недели в ржавом четырехместном трейлере, который отец бронировал за год вперед. Нам с Джери доставались верхние койки, а Дине приходилось спать внизу, напротив родителей. Джери по праву старшинства могла занять любое место, но всегда выбирала сторону, обращенную к полю, чтобы смотреть на пасущихся пони. Поэтому первое, что я видел каждое утро, — это сверкающие под рассветным солнцем белые полосы морской пены и длинноногие птицы, скачущие по песку.

Ни свет ни заря мы трое, зажав в руках куски хлеба с сахаром, убегали на пляж, где целыми днями играли в пиратов с детьми из других трейлеров, покрывались веснушками и облезали от соленой воды, ветра и редких солнечных лучей. К чаю мама жарила на походной плитке яичницу с сосисками, а потом отец отправлял нас в магазин Линча за мороженым. Когда мы возвращались, мама уже сидела у отца на коленях, положив голову ему на плечо, и мечтательно улыбалась, глядя на воду. Он наматывал ее волосы на свою свободную руку, чтобы морской ветерок не сдувал их в ее мороженое. Я весь год ждал, чтобы увидеть родителей такими.

Как только мы свернули на проселок, с задворок моей памяти, словно выцветший набросок, начал всплывать маршрут: проехать мимо этой роши — деревья уже вымахали, — за изгибом в каменной стене повернуть налево... Но если раньше с низкого зеленого холма открывался вид на воду, сейчас откуда ни возьмись навстречу вырос поселок и, словно баррикада, преградил нам путь: за высокой оградой из шлакобетонных блоков — ряды черепичных крыш и белых фасадов, казалось тянувшиеся на мили в обоих направлениях. При въезде — щит, на котором яркими затейливыми буквами, каждая размером с мою голову, написано: «Добро пожаловать в Оушен-Вью в Брайанстауне. Новое слово на рынке жилья премиум-класса. Роскошные дома

открыты для просмотра». Поперек надписи кто-то нарисовал большой красный член с яйцами.

На первый взгляд Оушен-Вью выглядел довольно симпатично: большие дома (нечто осязаемое за ваши деньги), подстриженные полосы газонов, старомодные указатели:

«Детский сад „Самоцветы“».

«Развлекательный центр „Бриллиант“».

Второй взгляд — сорняки, щербатые тротуары. Третий взгляд — что-то не так.

Дома были слишком похожи друг на друга. Даже у тех, что были отмечены кричащими красно-синими знаками с торжествующей надписью «Продано», никто не покрасил входную дверь в какой-нибудь отстойный цвет, не расставил на подоконниках цветочные горшки и не разбросал по лужайке пластмассовые детские игрушки. Кое-где были припаркованы автомобили, но большинство подъездных дорожек пустовало — причем совершенно не похоже, что жильцы разъехались поддерживать экономику. Три четверти домов просматривались насквозь — через голые окна, выходящие на другую сторону, проглядывали серые лоскуты неба. По тротуару, толкая перед собой коляску, шла крупная молодая женщина в красном анораке, волосы ее раздувал ветер. Казалось, она и ее круглолицый ребенок — единственные люди на несколько миль вокруг.

— Иисусе, — сказал Ричи. В тишине его голос прозвучал так громко, что мы оба вздрогнули. — Деревня проклятых.

В отчете о вызове значилось: «Проезд Оушен-Вью, 9», и название имело бы смысл, будь Ирландское море океаном или если бы его отсюда было видно. Навигатор, похоже, столкнулся с непосильной задачей: привел нас проездом Оушен-Вью в тупик, кончавшийся рощей Оушен-Вью, которая заслуживала главный приз, поскольку там не было ни одного дерева, и сообщил: «Вы прибыли в место назначения. До свидания».

Я развернул машину и принялся искать. Мы словно смотрели фильм задом наперед: чем дальше мы продвигались вглубь поселка, тем больше дома напоминали чертежи. Вскоре они превратились в беспорядочные наборы из стен и строительных лесов — с зияющими дырами вместо окон и отсутствующими фасадами, открытые взгляду

комнаты, заваленные сломанными стремянками, трубами и плесневеющими мешками с цементом. За каждым поворотом я ожидал увидеть толпу строителей, занятых работой, но нам повстречался лишь накренившийся старый желтый экскаватор на пустыре, среди развороченной грязи и холмиков выкопанной земли.

Здесь никто не жил. Я попытался вернуться к въезду, но поселок был выстроен наподобие старых лабиринтов из живой изгороди — сплошные тупики и крутые повороты, — и мы почти сразу заблудились. Я ощутил легкий укол паники. Терпеть не могу терять ориентиры.

На перекрестке я притормозил — рефлекторно, вряд ли кто-то выскочил бы мне под колеса, — и во внезапной тишине мы услышали утробный рокот моря. Ричи вскинул голову:

— Что это?

Короткий, истошный, надрывный вопль повторялся снова и снова, настолько регулярно, что казался механическим. Он разносился через вскопанную землю и бетон и отскакивал от незаконченных стен, так что мог исходить откуда угодно или отовсюду. Насколько я мог судить, этот вопль и гул моря были единственными звуками в поселке.

— Готов поспорить, что это сестра, — сказал я.

Ричи глянул на меня так, словно я вешаю ему лапшу.

— Это лиса или какой-то еще зверь. Может, ее переехала машина.

— А я-то думал, ты тертый калач, повидал изнанку жизни. Готовься, Ричи, тебя ждут неизгладимые впечатления.

Я опустил окно и поехал на звук. Несколько раз эхо сбило меня с курса, но дом мы узнали с первого взгляда. С одной стороны проезда Оушен-Вью аккуратно, словно костяшки домино, парами стояли чистенькие белые дома с эркерами, а с другой тянулись строительные леса и валялся мусор. Между костяшками, над стеной поселка, шевелились обрывки серого моря. Перед некоторыми домами стояли одна-две машины, а у одного — целых три: белый хэтчбек «вольво», на котором не хватало только надписи «Семейный», выдавший виды желтый «фиат-сеиченто» и полицейский автомобиль. Вдоль низкой садовой ограды была натянута сине-белая оградительная лента.

Я не шутил, когда говорил Ричи, что в нашем деле важно все — даже то, как открываешь дверцу автомобиля. Еще прежде, чем я скажу первое слово свидетелю или подозреваемому, он должен понять:

прибыл Мик Кеннеди и у него все схвачено. Кое в чем мне повезло: я симпатичный (уж поверьте на слово), высокий, еще не облысел, и мои волосы по-прежнему на девяносто девять процентов каштановые. Все это располагает в мою пользу, а остальное добыто ценой опыта и многолетнего усердного труда. Я до последней секунды не сбрасывал скорость, потом ударил по тормозам, одним махом выскочил из машины, прихватив портфель, и быстрым энергичным шагом направился к дому. Однажды Ричи научится не отставать.

Один из полицейских неуклюже сидел на корточках рядом со своей машиной и пытался успокоить человека на заднем сиденье, который, безусловно, и был источником воплей. Второй нервно расхаживал перед воротами, сцепив руки за спиной. Воздух — свежий, сладко-соленый, отдающий морем и полями — был холоднее, чем в Дублине. Среди строительных лесов и голых балок вяло посвистывал ветер.

Тот, что расхаживал, был моего возраста, уже с брюшком. Вид у него был такой, словно его пришибли пыльным мешком, — очевидно, прослужил лет двадцать, не сталкиваясь ни с чем подобным, и надеялся спокойно прослужить еще столько же.

— Патрульный Уолл. У машины патрульный Мэллон, — сказал он.

Ричи с щенячьим дружелюбием протянул ему руку.

— Детектив-сержант Кеннеди и детектив Курран, — представил нас я, прежде чем Ричи начал набиваться Уоллу в друзья. — Вы заходили в дом?

— Только когда приехали, но сразу вышли и позвонили вам.

— Верное решение. Теперь рассказывайте в подробностях, что делали, от входа до выхода.

Патрульный бросил взгляд на дом, словно не мог поверить, что всего пару часов назад прибыл именно сюда.

— Нас вызвали проверить, все ли в порядке, — сестра жилицы волновалась. Мы подъехали к дому в начале двенадцатого и попытались связаться с жильцами, звоня в дверь и по телефону, однако ответа не получили. Следов взлома не заметили, но, когда заглянули в переднее окно, увидели, что на первом этаже горит свет, а в гостиной беспорядок. Стены...

— Через минуту мы сами увидим этот беспорядок. Продолжайте. — Нельзя, чтобы кто-то подробно описывал тебе место

преступления, на котором ты еще не был, иначе увидишь то же, что и он.

— Ладно. — Патрульный моргнул, помолчал, собираясь с мыслями. — В общем, так. Мы хотели обойти дом, но, сами видите, тут и ребенку не протиснуться. (И правда: расстояния между домами едва хватало для ограды.) Мы рассудили, что беспорядок и беспокойство сестры — достаточное основание для взлома входной двери. Мы обнаружили...

Он переминался с ноги на ногу, стараясь не выпускать из виду дом, будто тот — свернувшийся клубком зверь, в любую секунду способный броситься в атаку.

— Мы вошли в гостиную, не нашли ничего существенного — беспорядок, но... Затем мы проследовали на кухню и обнаружили мужчину и женщину, лежащих на полу. Выглядело так, что обоих зарезали. Одна рана на лице женщины была отчетливо видна мне и патрульному Мэллону и напоминала ножевую. Она...

— Это решат врачи. Что вы сделали потом?

— Мы были уверены, что оба мертвы. Там море крови. Множество... — Уолл несколько раз клюнул свое туловище сложенными вместе пальцами. Да, не просто так некоторые так и остаются патрульными. — Мэллон все равно проверил у них пульс — на всякий случай. Женщина лежала вплотную к мужчине, как будто прижалась к нему и заснула... ее голова... голова лежала у него на руке... И тут Мэллон сказал, что у нее прощупывается пульс. Мы никак не ожидали... Он сам был в шоке, поверил, только когда услышал, как она дышит. Тогда мы вызвали «скорую».

— А пока вы ждали?

— Мэллон остался с женщиной. Разговаривал с ней. Она была без сознания, но... он просто говорил ей, что все нормально, что мы из полиции, что «скорая» уже едет и чтоб она держалась... Я поднялся наверх. В задних спальнях... Там, в кроватках, двое маленьких детей — мальчик и девочка. Я попробовал сердечно-легочную реанимацию. Они... они были холодные, застывшие, но я все равно попробовал. Подумал — после того, что случилось с матерью, кто знает, может, они еще... — Уолл безотчетно провел руками по передней части куртки, словно пытался отмыться. Я не стал делать ему выволочку за порчу

улик: его поступок был вполне естествен. — Бесполезно. Убедившись в этом, я вернулся в кухню к Мэллону, и мы позвонили вам и все такое.

— Женщина приходила в сознание? Говорила что-нибудь? — спросил я.

Он покачал головой.

— Она не двигалась. Мы думали, она вот-вот умрет, и поэтому постоянно проверяли... — Он снова вытер руки.

— Рядом с ней в больнице есть наши люди?

— Мы позвонили в участок, чтобы кого-нибудь прислали. Наверное, одному из нас следовало поехать с ней, но надо было оградить место преступления, а ее сестра, она... Сами слышите.

— Вы ей сообщили.

Родственников я стараюсь извещать сам. Первая реакция бывает весьма красноречива.

— Прежде чем войти, мы велели ей подождать снаружи, но оставить с ней было некого, — виновато сказал Уолл. — Она довольно долго там стояла, потом зашла в дом. Мы были с жертвой, ждали вас, а когда ее заметили, она была уже на пороге кухни. Она стала кричать. Я вывел ее, но она сопротивлялась... Пришлось мне все рассказать, иначе она бы рвалась внутрь, пока мы не наденем на нее наручники.

— Ладно, сделанного не поправишь. Что было дальше?

— Я остался с сестрой. Мэллон с жертвой дождался «скорую», потом вышел.

— Не обыскав дом?

— Я еще раз зашел, когда он вышел побывать с сестрой. Сэр, Мэллон был весь в крови, не хотел разнести ее повсюду, а я поверхностно осмотрел дом, просто чтобы убедиться, что там никого нет. То есть живых. Мы решили, что тщательный обыск проведете вы и криминалисты.

— Вот это я одобряю. — Я взглянул на Ричи и приподнял бровь.

Парнишка уловил намек и тут же спросил:

— Оружие нашли?

Полицейский покачал головой.

— Но, возможно, оно и там — под телом мужчины или где угодно. Я же говорю — мы старались без необходимости ничего не трогать на месте преступления.

— А как насчет записки?

Снова покачивание головой.

Я кивнул в сторону полицейского автомобиля:

— Как сестра?

— Время от времени нам удавалось немного ее успокоить, но каждый раз... — Патрульный нервно оглянулся через плечо на машину. — Медики хотели дать ей седативное, но она отказалась. Можем их вернуть, если...

— Нет, все верно. Не хочу, чтобы ее накачивали успокоительными, пока мы с ней не поговорили. Мы сейчас осмотрим место преступления. Остальная команда уже в пути. Если придет судмедэксперт, может подождать здесь, но парней из морга и криминалистов не подпускайте, пока мы не потолковали с сестрой: один взгляд на них — и она действительно слетит с катушек. Ну а в остальном... пусть она остается здесь, соседи — у себя, и, если подтянутся зеваки, держите их на расстоянии. Ясно?

— Супер. — Полицейский был так рад сбывать с рук это дело, что сплясал бы и танец маленьких утят, если бы я его попросил. Ему явно не терпелось добраться до местного паба и залпом опрокинуть двойной виски.

А я сейчас не хотел находиться нигде, кроме как в этом доме.

— Перчатки, — велел я Ричи. — Бахилы.

Свои я уже вынимал из кармана. Он вытащил все необходимое, и мы пошли по подъездной дорожке. Протяжный рокот и шипение моря разом приблизились и встретили нас, словно приветствие или вызов. За нами, будто удары молота, по-прежнему раздавались вопли.

2

На месте преступления мы не одни. Пока криминалисты не дадут добро, нам туда доступ заказан. До тех пор всегда находятся другие дела: свидетелей нужно опросить, выживших — уведомить о гибели близких, и ты занимаешься всем этим, каждые тридцать секунд смотришь на часы и борешься с яростной тягой зайти за оградительную ленту. На сей раз было иначе: полицейские и медики уже затоптали все что можно, и мы с Ричи ничего бы не испортили, быстро осмотрев дом Спейнов.

Это было весьма кстати — если Ричи не выдерживает тяжелых зрелищ, неплохо было бы узнать об этом сейчас, без чужих глаз. К тому же если выпадает шанс увидеть место преступления без посторонних, его нельзя упускать. Там, словно заключенное в янтаре, тебя ждет само преступление — целиком, до последней душераздирающей секунды. Плевать, если кто-то прибрался, спрятал улики, попытался инсценировать самоубийство, — янтарь сохранит и это, но как только начинается обработка, все пропадает — остаются только наши люди, копошащиеся на месте преступления и деловито разбирающие его на части отпечаток за отпечатком, нить за нитью. Этот шанс казался подарком, добрым предзнаменованием в деле, где я больше всего в нем нуждался. Я поставил телефон на беззвучный режим. Скоро многие захотят со мной связаться, но им придется подождать, пока я обойду место преступления.

Приоткрытая на несколько дюймов дверь дома покачивалась под дуновением ветерка. С виду она казалась дубовой, но когда полицейские высадили замок — вероятно, с одного удара, — выяснилось, что внутри у нее какая-то труха, явно нечто переработанное. Сквозь щель виднелся черно-белый ковер с геометрическим узором — последняя мода и наверняка высокий ценник.

— Это всего лишь предварительный обход, — сказал я Ричи. — Серьезный осмотр подождет до тех пор, пока криминалисты все не зафиксируют. Сейчас ничего не трогаем, стараемся ни на что не

наступать, ни на что не дышать — составляем общее представление, с чем имеем дело, и выходим. Готов?

Ричи кивнул. Я толчком открыл дверь, нажав кончиком пальца на расщепленный край.

Моя первая мысль: если этот коп считает, что здесь беспорядок, у него обсессивно-компульсивное расстройство. Полутемный коридор был идеально прибран: сияющее зеркало, верхняя одежда аккуратно висит на стойке, запах лимонного освежителя. Стены чистые, на одной акварель — что-то зеленое и безмятежное с коровами.

Вторая мысль: у Спейнов есть сигнализация. Навороченная современная панель благоразумно спрятана за дверь, индикатор светится желтым.

Потом я увидел дыру в стене. Кто-то задвинул ее телефонным столиком, но она была слишком большая, и сбоку все равно виднелся зазубренный полумесяц. Тогда-то я и почувствовал тонкую, как игла, вибрацию, начинавшуюся в висках и двигавшуюся вниз по костям в барабанные перепонки. Некоторые детективы чувят это загривком, у кого-то встают дыбом волосы на руках — я знаю одного бедолагу, у которого реагирует мочевого пузырь, что весьма неудобно, — но так или иначе это чувство испытывают все стоящие детективы. Лично у меня гудят кости черепа. Называйте это как хотите — социальная девиантность, психологическое расстройство, внутренний зверь, даже зло — если вы в него верите, — в общем, то, с чем мы боремся всю жизнь. Если оно рядом, распознать его присутствие не поможет самая лучшая подготовка в мире. Ты либо чувствуешь, либо нет.

Я коротко взглянул на Ричи: он морщился и облизывал губы, словно съевший тухлятину зверь. У него ощущения возникают во рту, и ему придется научиться это скрывать, но по крайней мере он тоже чувствует.

Слева от нас была полуоткрытая дверь — гостиная. Прямо — лестница и кухня.

На обустройство гостиной не пожалели времени. Коричневые кожаные диваны, изящный кофейный столик из стекла и хромированного металла. По причинам, понятным только женщинам и дизайнерам интерьеров, одна стена выкрашена в масляно-желтый цвет. Вид обжитой: хороший большой телевизор, игровая приставка, несколько блестящих гаджетов, полочка с книгами в мягкой обложке, еще одна —

с DVD и играми, на полке газового камина — свечи и фотографии блондинистого семейства. Все это должно было создавать ощущение уюта, если бы не покоробившиеся полы, пятна сырости, низкие потолки и неправильные пропорции. Они сводили на нет все, что было создано с такой любовью и заботой, из тесной мрачной комнаты хотелось поскорее выйти.

Занавески почти полностью задернуты — только щелка, в которую заглянули полицейские. Торшеры включены. Что бы тут ни произошло, это случилось ночью, — по крайней мере, кто-то хотел, чтобы я так думал.

В стене над газовым камином была дыра размером примерно с обеденную тарелку. Еще одна, побольше, — рядом с диваном. В темноте смутно виднелись трубы и беспорядочные провода.

Ричи старался не дергаться, но я чувствовал, что у него дрожит колено. Ему хотелось, чтобы эти неприятные минуты поскорее закончились.

— В кухню, — сказал я.

Сложно было поверить, что ее и гостиную проектировал один и тот же человек. Кухня — она же столовая и комната для игр — тянулась вдоль всей задней части дома и состояла преимущественно из стекла. Снаружи был все такой же серый день, а здесь глаза моргали от ослепительного света, какой бывает только у моря. Никогда не понимал радости показывать соседям, что у вас на завтрак, — мне по нраву тюлевые занавески, и неважно, в моде они или нет, — но, увидев этот свет, я почти изменил свое мнение.

За аккуратным садиком стояли еще два ряда недостроенных домов, сурово и уродливо громоздящихся на фоне неба; свисающая с голой балки пластиковая растяжка громко хлопала на ветру. За ними — стена поселка, а еще дальше, за свалкой досок и цемента, там, где земля уходила вниз, — вид, которого я ждал весь день, с тех самых пор, как мой голос произнес: «Брокен-Харбор». Гладкий, плавный изгиб залива, с обеих сторон окаймленный низкими холмами; мягкий серый песок, тростник, гнущийся под чистым ветром, там и сям у линии воды — пичуги. И море — беспокойное, зеленое, мускулистое — поднялось мне навстречу. Груз того, что находилось с нами в кухне, накренил мир, всколыхнул воду, и она словно готова была вот-вот обрушиться на блестящее стекло.

Те же заботливые руки, которые примоднили гостиную, эту комнату сделали веселой и уютной. Длинный стол из светлого дерева, подсолнечно-желтые стулья; компьютер на таком же желтом деревянном столике; цветные пластмассовые игрушки, кресла-мешки, меловая доска. Карандашные рисунки в рамках на стенах. В комнате порядок — особенно учитывая, что в ней играли дети. Кто-то прибрался здесь вечером, который для всех четверых стал последним.

Не комната, а просто мечта риелтора — только вот невозможно представить, кто теперь захочет здесь жить. Во время отчаянной борьбы стол опрокинули, угол столешницы угодил в окно, и на стекле трещина, разбегающаяся огромной звездочкой. В стенах снова дыры, одна высоко над столом, другая, большая, — за перевернутым замком из «лего». Все вокруг усыпано крошечными белыми шариками, вывалившимися из распоротого кресла-мешка; на полу валяются кулинарные книги, блестят осколки разбитой рамки с рисунком. Всюду кровь: брызги на стенах, безумные перекрестия капель и отпечатков ног на кафельном полу, широкие мазки на окнах, запекшиеся сгустки, впитавшиеся в желтую обивку стульев. В нескольких дюймах от моих ног разорванный пополам ростомер с картинкой — мультяшный ребенок, взбирающийся по бобовому стеблю с большими листьями. Надпись «Эмма 17.06.09» почти не видна под свернувшейся кровью.

Патрик Спейн лежал ничком на полу в дальнем конце комнаты, там, где устроили игровую зону, среди кресел-мешков, мелков и книжек с картинками. Он был в покрытой высохшими темными пятнами пижаме — синяя рубашка и штаны в бело-синюю полоску. Одна рука согнута под телом, другая вытянута над головой, лицо повернуто к нам: очевидно, до последней секунды он пытался ползти, добраться до детей — причину можете выбрать сами. Светловолосый, высокий и широкоплечий парень; судя по телосложению, когда-то, возможно, играл в регби, а теперь уже начинал расплываться. Чтобы напасть на него, нужна немалая сила, ярость или безбашенность. Кровь в растекшейся из-под его груди луже загустела и потемнела. По всему полу — чудовищная сеть мазков, отпечатков ладоней и полос. Из этого хаоса выходили путаные переплетающиеся следы и направлялись в нашу сторону, но исчезали на полпути, словно оставившие их окровавленные люди растворились в воздухе.

Слева от трупа лужа крови расширялась, ярко поблескивала. Надо будет уточнить у полицейских, но можно с уверенностью предположить, что именно здесь они нашли Дженнифер Спейн. Либо она приползла, чтобы умереть, обнимая мужа, либо он остался лежать рядом, когда покончил с ней, либо кто-то позволил им умереть вместе.

Я простоял на пороге дольше, чем необходимо. Когда впервые попадаешь на место преступления, не сразу получается уложить в голове увиденное — внутренний мир отрывается от внешнего, чтобы защититься; твои глаза открыты, но до сознания доходят только красные полосы и сообщение об ошибке. За нами никто не наблюдал, поэтому Ричи мог не торопиться. Я отвел от него взгляд.

Сквозь какую-то щель в заднюю часть дома ворвался порыв ветра и разлился вокруг нас, словно холодная вода.

— Иисусе, — сказал Ричи, поежившись. Он был бледнее, чем обычно, но говорил без дрожи в голосе и пока что держался на ура. — Пробрало до костей. Из чего эта хибара? Из туалетной бумаги?

— Не ворчи. Чем тоньше стены, тем вероятнее, что соседи что-то слышали.

— Если у них есть соседи.

— Будем надеяться. Готов идти дальше?

Он кивнул. Мы оставили Патрика Спейна на его светлой, обдуваемой сквозняками кухне и пошли наверх.

На втором этаже было темно. Я открыл портфель и достал фонарик; скорее всего, полицейские уже захватили все своими жирными лапами, но прикасаться к выключателям все равно нельзя — возможно, кто-то включил или выключил свет намеренно. Я зажег фонарик и толкнул ближайшую дверь носком ботинка.

Очевидно, на каком-то этапе информацию переврали, потому что Джека Спейна — курносого мальчика с длинноватыми, светлыми, вьющимися волосами — не кромсали. После кровавого месива на первом этаже его комната действовала почти умиротворяюще. Ни капли крови, ничто не сломано, не перевернуто. Мальчик лежал на спине, руки вскинута над головой, словно целый день играл в футбол, а потом рухнул на кровать и заснул. Мне почти захотелось прислушаться к его дыханию, однако все становилось ясно по лицу. Он казался загадочно спокойным, такой вид бывает только у мертвых детей: тонкие веки крепко зажмурены, как у нерожденного младенца,

будто, заметив смертельную опасность, дети прячутся назад, вглубь, в самое первое безопасное место.

Ричи издал негромкий звук, словно кот, пытающийся выблевать комок шерсти. Я обвел фонариком комнату, давая ему время собраться. Стены пересекала пара трещин, но никаких дыр, если только их не закрывали постеры: Джек болел за «Манчестер Юнайтед».

— У тебя дети есть? — спросил я.

— Нет. Пока нет.

Он говорил вполголоса, как будто боялся разбудить Джека Спейна или вызвать у него кошмары.

— У меня тоже, — сказал я. — И в такие дни это к лучшему. Став отцом, ты даешь слабину. Бывает, что детектив крут как скала, после вскрытия может обедать стейком с кровью, а потом жена рождает спиногрыза — и вот парень уже раскисает, если жертве меньше восемнадцати. Сто раз такое видел — и всегда благодарю Бога за контрацептивы.

Я снова направил луч фонарика на кровать. У моей сестры Джери есть дети, и я часто с ними вижусь, так что мог прикинуть возраст Джека Спейна — года четыре, может, три, если он был крупным ребенком. Проводя свою безуспешную реанимацию, патрульный откинул одеяло; красная пижамка вся перекрутилась, обнажив хрупкую грудную клетку. Я даже видел вмятину там, где сломалась пара ребер, — надеюсь, это произошло в ходе непрямого массажа сердца.

Губы ребенка посинели.

— Удушение? — спросил Ричи, стараясь справиться с голосом.

— Придется подождать вскрытия, но похоже на то, — ответил я. — Если причина смерти подтвердится, можно будет предположить, что это сделали родители. Они часто предпочитают нежные способы — если, конечно, такое слово вообще здесь уместно.

Я по-прежнему не смотрел на Ричи, но чувствовал, что он еле сдерживается, чтобы не поморщиться.

— Идем искать дочь, — сказал я.

В соседней комнате тоже ни дыр в стенах, ни следов борьбы. Когда полицейский отчаялся вернуть Эмму Спейн к жизни, он снова накрыл ее розовым одеялом — ведь она девочка. Эмма такая же курносая, как брат, но кудри у нее песочно-рыжие, а все лицо в веснушках,

выделяющихся на фоне голубоватой кожи. Рот приоткрыт, и виден зазор на месте переднего зуба. Она была старшим ребенком в семье — лет шести-семи. Комната принцессы — розовая, в рюшах и оборках; на кровати гора подушек с вышитыми большеглазыми котятками и щенятами. Выхваченные фонариком из темноты, рядом с маленьким пустым лицом девочки они походили на падальщиков.

Я не смотрел на Ричи, пока мы не вернулись на лестничную площадку.

— Заметил в обеих комнатах что-нибудь необычное?

Даже в полумраке он выглядел словно жертва тяжелого пищевого отравления. Ричи пришлось дважды сглотнуть, прежде чем он смог сказать:

— Крови нет.

— В точку.

Я толкнул дверь ванной фонариком. Полотенца сочетающихся цветов, пластиковые игрушки для ванны, шампуни и гели для душа, сверкающая белая сантехника. Если здесь кто-то мылся, то чрезвычайно аккуратно.

— Попросим криминалистов опрыскать пол люминолом, поискать следы, но если мы ничего не упускаем, то либо убийца было несколько, либо убийца сначала разделался с детьми. Нельзя прийти сюда после той кровавой резни, — я кивнул вниз, в сторону кухни, — и ничего не заляпать кровью.

— Это дело рук кого-то из своих, да? — спросил Ричи.

— Почему?

— Если я псих и хочу перебить всю семью, то с детей начинать не стану. Вдруг родители услышат и заглянут их проведать, когда я занят делом? Я и ахнуть не успею, как мамочка с папочкой отметелят меня будь здоров. Не-е, я подожду, пока все уснут, а потом перво-наперво расправлюсь с самыми опасными целями. Отсюда я начну только в одном случае, — Ричи дернул уголком рта, но удержал себя в руках, — если знаю, что мне не помешают. Значит, убийца — один из родителей.

— Верно. Версия далеко не окончательная, однако на первый взгляд выглядит все именно так. Заметил, что еще указывает на них?

Он покачал головой.

— Входная дверь. Там два замка, «чабб» и «йель», и, пока полицейские ее не вышибли, она была закрыта на оба. Дверь не просто

затворили за собой, а заперли на два ключа. Кроме того, я не заметил ни одного открытого или разбитого окна. Если кто-то влез в дом — или Спейны сами его впустили, — то как он выбрался наружу? Опять же версия не окончательная: окно могло быть незаперто, ключи могли украсть, у кого-то из друзей или знакомых мог быть запасной комплект — и все это нужно проверить. Однако факт весьма показательный. С другой стороны... — Я указал фонариком: над самым плинтусом на лестничной площадке виднелась еще одна дыра размером с книгу карманного формата. — Откуда в стенах такие повреждения?

— В ходе борьбы. После... — Рот Ричи снова дернулся. — После смерти детей, иначе они бы проснулись. Сдается мне, кто-то отчаянно отбивался.

— Может, и отбивался, но дыры в стенах появились не вчера вечером. Прочисти голову и посмотри еще раз. Объяснишь, почему это так?

Постепенно зеленая бледность на лице Ричи уступила место выражению глубокой сосредоточенности, которое я уже видел в машине.

— Вокруг дыр нет крови, а на полу — кусков штукатурки, — сказал он чуть погодя. — Даже пыли нет. Кто-то прибрался.

— Правильно. Возможно, убийца или убийцы — по своим причинам — задержались и хорошенько все пропылесосили. Но доказательств у нас пока нет, поэтому самое вероятное объяснение: дыры были проделаны по крайней мере пару дней назад, а может, и гораздо раньше. Есть идеи, откуда они взялись?

Теперь, когда Ричи приступил к работе, он выглядел лучше.

— Строительные проблемы? Сырость, осадка... А может, кто-то чинил неисправную проводку... В гостиной сырость — видели состояние пола и пятно на стене? Вдобавок по всему дому трещины — не удивлюсь, если проводка тоже накрылась. Весь поселок — настоящая свалка.

— Может быть. Позовем строительного инспектора, пусть посмотрит. Но, если честно, только очень хреновый электрик оставил бы дом в таком состоянии. Другие объяснения в голову не приходят?

Ричи втянул воздух сквозь зубы и задумчиво посмотрел на дыру в стене.

— Если навскидку, — сказал он, — то, кажется, здесь что-то искали.

— Согласен. Иной раз прячут оружие или драгоценности, но обычно это старая добрая наркота или наличка. Попросим криминалистов поискать следы наркотиков.

— А дети? — возразил Ричи, дернув подбородком в сторону комнаты Эммы. — Родители хранили что-то, из-за чего их могли убить? Хотя в доме *дети*?

— Мне казалось, Спейны возглавляют твой список подозреваемых.

— Это другое. Если человек рехнулся, он каких только дикостей не натворит. Такое с каждым может случиться. Но кило герыча за обоями, где его могут найти дети, — такого просто не бывает.

Снизу раздался скрип, и мы оба резко обернулись, но это просто входная дверь раскачивалась на ветру.

— Да ладно тебе, сынок, — сказал я. — Я такое сотни раз видел, да и ты сам наверняка тоже.

— Не в таких семьях.

Я поднял брови:

— Не думал, что ты сноб.

— Не, я не про сословия. Смотрите — дом ведь в порядке, понимаете? Везде чисто, даже за сортиром, все подобрано в тон, даже специи на полочке не просрочены. Эта семья старалась жить *как надо*. А мутные делишки... Это на них не похоже.

— Прямо сейчас — нет, но не забывай: мы ни хрена не знаем об этих людях, кроме того, что они убирали в доме, по крайней мере иногда, и что их убили. Уж поверь, второе гораздо важнее. Пылесосить может каждый, но убивают не всех.

Ричи, благослови Господь его невинное сердечко, устремил на меня взгляд, полный скепсиса и праведного возмущения.

— Многие жертвы убийств никогда в жизни не делали ничего опасного.

— Некоторые — да, но многие? Ричи, друг мой, открою тебе грязную тайну твоей новой работы. Ты не слышал о ней ни в интервью, ни в документалках, потому что мы держим ее при себе: большинство жертв получили по заслугам.

Ричи открыл рот.